

15 июля 1976 г. № 166 [17246]

ЦАТСА: гастрольный дневник

ВСЕГО ТРИ РОЛИ

Народную артистку СССР Любовь Ивановну Добржанскую мы знаем по многим фильмам, но раз уж представился счастливый случай — гастроль в Красноярске Центрального академического театра Советской Армии, — есть смысл поговорить о ее работах на родной сцене, на которую она выходит вот уже сорок два года. Начинала она свой путь к вершинам сценического мастерства в Киевском русском драматическом театре, где специалисты отмечали ее Негину в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского и Комиссара в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Яркими страницами вошли в творческую летопись ЦАТСА и всего советского театра созданные ею образы Катарини в «Укрощении строптивой», Шурочки Азаровой в поставленном в годы войны спектакле «Давным-давно», Елены Стильяно в «Моей семье» Э. Де Филиппо, Эмилии Марти в «Средстве Макропулоса» К. Чапека, Раневской в «Вишневом саде», Фелисианы в «Учителе танцев», Василицы в «Каса маре» И. Друцэ и многие, многие другие.

К сожалению, самая широкая известность приходит даже к очень большому артисту только после того, как он выступит в кино или по телевидению. К сожалению, потому что все-таки самые блистательные работы у театрального артиста создаются только на сцене.

В НЫНЕШНЕЙ гастрольной афише ЦАТСА есть только три спектакля, в программах которых стоит имя Л. И. Добржанской: «Дядя Ваня» А. П. Чехова, «Экзамены никогда не кончатся» Э. Де Филиппо и «Фантазии Фарятьева» А. Соколова. Но даже только три эти работы; одна из которых (в «Экзаменах...»), в сущности, небольшой эпизод, принесли нам радость общения с замечательным мастером советской сцены.

В спектакле «Дядя Ваня», поставленном Л. Хейфецом, в декорациях народного художника РСФСР И. Сумбаташвили, царит скука. Мысль, живое действие, живое слово не могут пробраться в этот замкнутый душный мирок, запрятанный в один из закоулков глухого лабиринта российской действительности. Сцена и выстроена как часть этого лабиринта. И странное дело, главным в нем оказывается не столько профессор Серебряков (нар. арт. РСФСР М. Майоров) — важный, величественный и пустой, не столько мучающийся в поисках хотя бы глотка живого воздуха дядя Ваня (нар. арт. СССР А. Попов), сколько почти не принимающая участия в действии и разговорах Мария Васильевна Войницкая.

Серебряков приехал — и уедет, дядя Ваня погасит вспышку свою и будет снова работать, работать и работать... А во главе стола — во главе жизни этой — останется высокая, прямая старуха, чопорная и мрачная, уверенная в незыблемости этого мира и в вечности законов его. Может быть, это преувеличение, но Войницкая Л. И. Добржанской представляется мне неким Минотавром этого лабиринта, пожирающим все живое и свежее, что попадет сюда.

Она появляется, молчаливая и строгая, она сидит неподвижно и важно и очень внимательно читает одно из очередных пустых сочинений своего зятя — профессора Серебрякова. И отвлекается только для того, чтобы поставить на место «зар-

вавшегося» сына: «Александр лучше нас знает, что нужно делать». Но, несмотря на всю страшную роль, которую Мария Васильевна играет в своем лабиринте, — и в этом точность психологического рисунка, созданного актрисой, — внешне она величественна и прекрасна. А ведь именно внешне обманывает слабые, незоркие души... Точно так же величественна и прекрасна другая мрачная героиня Л. И. Добржанской — графиня Мария дельле Грацие Филипетти Уллера в спектакле режиссера П. Фоменко «Экзамены никогда не кончатся».

О графине в спектакле много говорят — Джилиола, жена главного героя Гильельмо Сперанцы, ее подруги, ее дети. Для них она воплощение доброты, порядочности, христианского смирения. Но на самом деле Гильельмо (нар. арт. СССР В. Зельдин) одно ее имя наводит ужас... И вот она появляется — эдакая черная зловавшая птица, — и мы вместе с героем испытываем вдруг некий священный трепет и одновременно активнейшее неприятие всего, что несет с собой эта женщина — то ли ханжа-монахиня, изгоняющая бесов из «грешника», то ли светская дама, никак не желающая уходить на покой.

Есть в ней нечто напоминающее одну из известных героинь Л. И. Добржанской — Эмилию Марти из пьесы К. Чапека «Средство Макропулоса», только, а отличие от 354-летней красавицы, графиня Мария овладела истинным (для мира, в котором живет) секретом долголетия, ибо в основе его лежит не некое фантастическое средство, а использование слабостей человеческих — страха перед смертью, корыстолюбия, ханжества, глупости. С блестящим мастерством сумела Л. И. Добржанская показать в коротеньком эпизоде целую жизнь своей героини — от, наверно, бурной молодости до застывшей во властной ханжестве старости.

И совершенно иная она в спектакле режиссера М. Левитина «Фантазии Фарятьева»,

где играет одну из важных ролей — тетю главного героя. Этот спектакль — о людях одержимых, умеющих глубоко и точно чувствовать, о людях добрых... И героиня Л. Добржанской именно добрая. Правда, это не тот случай, когда человек, что называется, «светится добротой». Она, наоборот, внешне даже несколько сурова, но суровость ее — от сосредоточенности на одной, «капитальной», как сказал бы Достоевский, идее — счастье племянника. Она даже неуклюжа несколько — тяжело переступает по сцене, медленно и неловко поворачивается, двигается как бы на ощупь — эта изящная и пластичная Добржанская! — но зато нам, зрителям, предоставляется возможность увидеть наяву, как из труднейших раздумий рождается решение, а из решения — поступок. И тогда появляется вдруг даже легкость в движениях ее: она уезжает в Полоцк, а племянник будет жить с молодой женой в ее комнате! Блестяще проводит актриса сцену разговора с матерью любимой девушки Фарятьева Александры (Г. Морачева), женщиной экспансивной, взволнованной, суеливой и тоже одержимой желанием счастья дочери.

Действие «Фантазий Фарятьева» происходит волею создатель спектакля (художник П. Белов) как бы в камере большого фотографического аппарата. Здесь фокусируются, концентрируются свет, мысли, поступки. И вот если воспользоваться этой метафорой, то можно сказать, что даже три роли народной артистки СССР Любови Ивановны Добржанской на красноярской сцене показали нам талант и мастерство прекрасной актрисы во всем его многообразии. И те эпизоды, которые мы раньше только читали, — выразительный голос, обаяние, законченность психологического рисунка, смелость характеристик, изящество, драматический темперамент — обрели для нас живой, конкретный смысл.

О. КУЗНЕЦОВ.